

А.М. Пономарев

АГРЕССИЯ КРЫМСКОГО ХАНСТВА ПРОТИВ ЧЕРКЕСОВ-ТЕМИРГОЙЦЕВ в 1761–1762 годах

Еще в конце XIX века известный исследователь запорожской старины А.А. Скальковский отмечал, что секретная переписка Коша Запорожской Сечи 1760, 1761 и 1762 годов потеряна, а за 1763 и 1764 года сохранились лишь разрозненные бумаги [Скальковский 1886, 345–346]. Большая часть из того немногочисленного, что уцелело, пострадала еще и во время Второй мировой войны [Канцелярия... 2005, 6, 9]. И все же крупницы информации, дошедшие до сегодняшнего дня, позволили нам реконструировать события начала 1760-х годов, которые практически неизвестны даже специалистам.

Речь пойдет о походе крымско-ногайских войск весной 1761 г. на Северный Кавказ для приведения одного из черкесских племен – темиргойцев “в прежнее подданство”, а также о последующих военных приготовлениях на протяжении 1761–1762 гг. Упомянутый об этой военной акции нет ни в одной из известных нам работ по истории Черкесии и Кабарды, и в частности крымско-кабардинских отношений. Так, отсутствуют какие-либо сведения об этом в трудах В.Н. Кудашева [Кудашев 1913], Н.А. Смирнова [Смирнов 1948], Ш. Ногмова [Ногмов 1994], Р. Трахо [Трахо 1992].

Лишь в классической работе В.Д. Смирнова вскользь упоминается о неудачной войне крымского хана Крым-Гирея с черкесами, которая, по мнению цитируемых историков авторов, послужила поводом к будущей отставке хана [Смирнов 1889, 241–242]. Сам же В.Д. Смирнов не только не рассматривает поход против черкесов в системе причинно-следственных отношений, но и вообще не склонен признавать его как исторический факт. При этом он опирается на малоинформативный в данном отношении доклад русского консула в Бахчисарае премьер-майора А. Никифорова, который “ни о каком неудачном походе Крым-Герая на черкесов... не упоминает” [Смирнов 1889, 242]. В этой связи остается только отметить, что Никифоров стал консулом осенью 1763 г., и вполне естественно, что при оценке факта смещения Крым-Гирея он не акцентировал внимание на событиях 1761–1762 гг.

Документальной основой нашей работы послужили материалы, которые отложились в ЦГИАК Украины в г. Киеве. В основном это секретные донесения запорожских казаков, которые находились с разведывательными миссиями в Бахчисарае, Перекопе, Бендерах, Очакове. Эти документы хранятся в ф. 229 Архива Коша Новой Запорожской Сечи. Часть таких донесений и перевод письма хана Крым-Гирея (25 мая 1762 г.), которые освещают политику Крымского ханства, находятся в ф. 59 Киевской губернской канцелярии. Используемые нами документы из этих фондов еще надлежащим образом не введены в оборот даже в свете истории российско-крымских и запорожско-крымских отношений, не говоря уже об отношениях Крыма с Кабардой.

Несколько документов за май – август 1762 г. были изданы в 1886 г. А.А. Андриевским [Андриевский 1886], а также в последнее время изданы упомянутые выше документы Канцелярии Новосербского корпуса, которые проливают свет на события 1761–1762 гг. [Канцелярия... 2005].

Несмотря на то что русско-турецкая война 1737–1739 гг. де-юре решила “черкесский вопрос”, объявив 6-й статьей Белградского трактата (от 18 сентября 1739 г.) Большую и

Малую Кабарду независимыми и обозначив эту территорию как барьерную зону между Портой и Россией, на практике дело обстояло иначе. Кубанский сераскер, будучи одной из ключевых фигур крымской политики на Кавказе, активно содействовал притязаниям хана на земли адыгских племен. Более того, сыновья крымского хана – крымские султаны – как представители черкесской знати по материнской линии, также активно вмешивались в политику, проводимую князьями Большой и Малой Кабарды. Как до, так и после 1739 г. походы крымских татар на Кабарду и Черкесию для взятия ясыря были обычным делом, и спор о числе высылаемых в Бахчисарай черкесских юношей и девушек разгорался время от времени с новой силой. Он был связан либо с желанием темиргойцев, как и других черкесов, фактически выйти из крымского подданства, а точнее, данничества¹ [Пейсонель 1990, 12], либо со стремлением татар увеличить количество ясыря, что в итоге и приводило к вооруженным столкновениям между сторонами.

В современных изданиях отмечается обязанность правителей Кабарды участвовать в военных походах османских и крымских правителей, а также платить подушную и поземельную подати [История Востока 2004, 141].

Документальные материалы, в свою очередь, говорят о том, что крымские ханы в основном довольствовались тем, что темиргойцы “дабы не иметь помешательства в пашне на низких при горах местах, и в содержании там же скота своего... добровольно дарили ханов в знак своего послушания некоторым числом лошадей и пленниками, а иногда и в службу их употреблялись, однако не иначе как в тамошних ближних местах” [Кабардино-русские... 1957, 266]. В документе тех лет отмечалось также, что “сей народ по положению своего жилища хотя почитается подвластным ханов крымских, но по крепости гор, в которых живут, слушают их в чем сами хотят” [Кабардино-русские... 1957, 266].

Темиргойцы в XVIII веке были одним из самых многочисленных племен западно-адыгского субэтноса, а их численность на 1768 г. достигала 13 тыс. человек, в то время как, например, бесленейцев и натухайцев насчитывалось соответственно 700 и 600 человек² [Кабардино-русские... 1957, 226]. Пределы проживания темиргойцев были между р. Кубанью и р. Лабой, затем между средним и нижним течениями р. Белой и р. Лабы [Ногмов 1994, 97], а на берегу последней и доньине этот факт подтвержден существованием ойконима этнонимического происхождения – станицы Темиргоевской. Известный историк адыгских народностей Ш. Ногмов дает этноним “темиргоевцы” (темиргойцы) наряду с другими вариантами – “кемиргоевцы”, “кемгуй” [Ногмов 1994, 97].

Положение черкесских (адыгских) народов, населявших Большую и Малую Кабарду, осложнялось тем, что, несмотря на указанные положения Белградского трактата, Россия с одной стороны, а Крымское ханство при негласной поддержке Порты – с другой продолжали борьбу за влияние на черкесские правящие элиты. В такую ситуацию излишнюю напряженность вносила борьба между баксанской и кашкатавской группировками. Баксанская партия, представленная княжескими родами Бекмурзиных, Атажукиных, Мисостовых, была большей частью пророссийской, но в 1760 г. хану Крым-Гирею удалось привлечь на свою сторону некоторых из них, призывая в письме “стараться общим согласием предаться сиятельной Порте и Крыму, следуя правилам мусульманского закона” [Смирнов 1948, 65]. Не имея возможности после 1739 г. открыто предъявлять претензии на Кабарду, крымские ханы “для того изобрели... способ, чтоб производить на них (черкесов. – *Авт.*) частые при Порте Оттоманской жалобы, будто в противных их с трактатом поступках, и тем их беспокоить” [Кабардино-русские... 1957, 224]. Опираясь на религиозные мотивы, Крым-Гирей писал и султану, акцентируя внимание на том, что Россия насильно обращает в православие черкесов. “Крым-Гирей... жаловавшись сперва Порте будто в Кабардах... тамошней народ принуждается к принятию христианского закона” докучал своими претензиями и “здешним пограничным командирам... в том, что кабардинцы помогают его противникам”,

тем самым “явно и нагло ищет ныне кабардинский народ чинимыми оному разными... внушениями привести в свое подчинение” [Кабардино-русские... 1957, 224].

Тогда же, в 1760 г., черкесы баксанской партии, чтобы доказать свою преданность крымскому хану, собирались оказать ему помощь в усмирении черкесов-темиргойцев. Присланный российским правительством в Кабарду майор Татаров не только сумел помирить баксанскую и кашкатавскую группировки, но ему удалось отговорить баксанского князя Бамата Кургокина от перехода под юрисдикцию Бахчисарая и “отклонить вмешательство его (Бамата Кургокина. – *Авт.*) в дела ханские с Темиргоями” [Бутков 1889, 266].

Крым-Гирей, памятуя о том, что Кабарда была местом постоянного укрывательства беглой крымскотатарской знати, назначает (не позднее октября 1760 года) кубанским сераскером Багадыр-Гирея, возлагая на него важную миссию. Крымский хан отмечал: “...для усмирения издревле находившихся у нас в подданстве темиргойских черкес от противности определен был от меня на Кубани сераскером Багадыр Гирей солтан, которому от меня велено быть в том старание употребит” [ЦГИАК Украины, ф. 59, оп. 1, д. 3988, л. 2].

В то время как баксанцы собирались помочь хану усмирить черкесов-темиргойцев, Багадыр-Гирей в октябре 1760 г. писал в Бахчисарай, что “в бытность мою в Темиргое с войском... помянутой Халим Гирей, ханов сын, так и дятка ево Аклав, хану крымскому, государю нашему не покорились, и с противниками хана крымского сообщались” [Кабардино-русские... 1957, 206].

Еще в бытность самого Крым-Гирея буджакским сераскером, после того как Порта в 1755 г. сместила крымского хана Арслан-Гирея, заключив его под арест, двое сыновей последнего вместе с Крым-Гирей-султаном были вынуждены искать убежища у черкесов [Бутков 1889, 265]. Так, кроме указанных крымских султанов, в 1758 г. в Кабарду ушел смещенный тогда же крымский хан Халим-Гирей вместе с ближайшим окружением, не желая, чтобы его постигла участь Арслан-Гирея.

Попутно стоит отметить, что в дореволюционной литературе имела место некоторая путаница, когда речь шла о крымском хане Крым-Гирее, которого отождествляли с сыном предыдущего хана Халим-Гирея – Крым-Гирей-султаном. Так, П.Г. Бутков утверждал, что бежавшие в Кабарду в 1755 г. сыновья крымского хана Арслан-Гирея находились там до 1762 г., “кроме Крым-Гирея, который в 1758 г. был возведен на место Селим-хана” [Бутков 1889, 266]. Но документы показывают, что и после 1758 г. бывший кубанский сераскер Крым-Гирей-султан продолжал разыскиваться российскими властями, которые требовали его удаления из Кабарды [Кабардино-русские... 1957, 210, 214]. Следовательно, упомянутые здесь беглый кубанский сераскер и крымский хан – это совершенно разные исторические личности.

О высылке из Кабарды султанов (детей крымских ханов от браков с черкесскими княжнами. – *Авт.*) и о недопустимости создания там враждебной крымскому двору группировки Крым-Гирей проявлял заботу, уже будучи ханом. Однако рассчитывать при этом на преданность и послушание кубанских сераскеров Крым-Гирею не приходилось, так как ханы сами потворствовали своевольству своих сыновей, из числа которых и выбирались сераскеры. Кроме того, кубанские сераскеры находились в более выгодном положении (удаленность от Бахчисарая, определенная экстерриториальность, четкая очерченность фронта владений, поддержка черкесской знати), нежели буджакский сераскер или перекопский каймакан, что позволяло кубанским правителям проявлять определенную независимость, часто граничащую с произволом. Так, сын Халим-Гирея – кубанский сераскер Крым-Гирей “дурно повел себя в народе черкесском”, а “поведение их (ханских детей. – *Авт.*) привело к тому, что влиятельные мурзы открыто выступили против хана, который вместо того, чтобы унять легкомысленных сыновей, поддерживал их несправедливыми распоряжениями” [Смирнов 1889, 235].

К началу 1761 г. для Бахчисарая назрела ситуация, при которой необходимо было принимать радикальные меры. В Кабарде продолжали находиться беглые представители крымскотатарской знати. Российские власти приказывали выслать “салтанских детей трех человек, также и беглых Оттоманской Порты салтанов, а особливо... бывшего кубанского сераскера Крым-Гирея”, как источник напряженности внутри- и внешнеполитической обстановки в Кабарде, ухудшающий ее отношения с Россией и Крымом [Кабардино-русские... 1957, 6, 214]. Отметим, что удалось это сделать лишь к 1763 г.

В конце марта 1761 г. Крым-Гирей принял решение организовать военный поход на темиргойцев, несмотря на то что подобные попытки, предпринятые предыдущими крымскими ханами, почти всегда имели для Бахчисарая плачевный исход. Последняя из подобных военных акций, предпринятая ханом Арслан-Гиреем весной 1755 г., в очередной раз показала слабость крымского войска [Скальковский 1886, 333]. Также стало известно, что над войском, которое выступит на Северный Кавказ, “велено быть главным командиром кубанскому серфскеру Батыр Гирею” и что, собравшись, “все войски пойдут противу черкесов по прошению ево ханскому з дозволения его салтанского величества во отмщение крови убитого оными черкесами ево ханскова дяди³ и в забрани дарованного от него хана немалова числа имущества и за недачу противу прежнего обыкновения сполна есеру” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 31 об. – 32]. Убитые в 1729 г. темиргойцами два крымских султана были вторым и более весомым аргументом Крыма для обоснования своего похода на черкесов. Российские власти, сознавая, что кровная месть – неоспоримый довод, против которого нет контраргументов, требовали от баксанцев в случае прибытия крымского хана на Кубань “никакого вспоможения им темиргойцам не чинить и к ним нимало не приставать” [Кабардино-русские... 1957, 214].

Оставляя в стороне вопрос о том, насколько Порта разрешала Крыму вмешиваться в дела Кабарды, следует отметить, что видимые усилия, направленные против его похода на Северный Кавказ, все же были предприняты. Понимая, что подобная акция не улучшит отношений с Россией, Порта выслала свое войско в двух направлениях. Одна часть была отправлена в Хотин, а другая в Буджак, во главе которой были два (!) паши. Это не могло не встревожить Крым-Гирея. Ведь, кроме упреждения похода хана на темиргойцев, была еще одна, более весомая причина, о которой скажем ниже. А в Бахчисарае тем временем “толко де слух носится якобы тѣ паши идут против хана... и якобы наместо ево другой хан с оным войском прибыть имѣеть” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 41]. Подбадривая своих мурз и самого себя, Крым-Гирей ничтоже сумняшеся в ответ на грядущие трудности отвечал, что “как де он то ханство получил саблею, так де саблею и отдаст” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 41].

О своенравном характере Крым-Гирея и непослушании его как России, так и Порте знали и на берегах Невы. Императрица Елизавета Петровна в своем Указе отмечала, что “нинешний хан кримской при всех случаях оказывает себя здешней стороне злонамеренным, и что он нрава безпокойного, и поступает по своему произволу и противу намерения самага турецкого двора” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 80].

Одной из причин, вынудивших Порту принимать меры против зарвавшегося вассала, было то, что бендерский Ибрагим-паша, укрываясь от бунта янычар, бежал в Хан-Кишлу⁴ к буджакскому сераскеру, а оттуда в Крым. Порта, узнав о предоставлении политического убежища бендерскому паше, назначила крымским ханом Хаджи-Гирей-султана, который следовал в Бахчисарай при поддержке войск упомянутых двух трехбунчужных пашей [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 80–80 об.]. Также недовольство Стамбула вызывали сепаратные переговоры Крым-Гирея с представителями прусского короля Фридриха II, которые сводились к предложению военной помощи взамен на денежное вознаграждение. Так, один из самых опытных и мудрых чиновников Порты великий визирь Коджа Рагыб Мехмед-паша (1757–1763 гг.) был сторонником

взвешенной политики Турции по отношению к европейским государствам. Заключая договора со Швецией, Пруссией, Данией, Порта намеревалась идти в ногу с европейской дипломатией [История Востока 2000, 385]. При этом вмешательство вассалов султанов в европейские дела не только превышало полномочия хана, но и вредило авторитету официального Стамбула на международной арене.

Как только Крым-Гирею стало известно о приближении турецкого войска, он срочно выехал в Перекоп, где на протяжении трех (!) дней осматривал крепостные стены [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 41]. Убедившись в необходимости починки крепостных укреплений, хан приказал усилить “Перекопъ трехъстѣнною работою и вокруг оной ров глубиною до сѣми сажень [чтобы] здѣлан был” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 41 об.]. Причем на работу отводилось такое ограниченное количество времени, что Крым-Гирей пригрозил ответственному за ремонт перекопскому орбей-султану и каймакану Салиху Дабакию-эфенди, что “ежели де к прибытию ево ханскому не здѣлают, то... надсмотрщики (т.е. и сам орбей-султан. – *Авт.*) имѣют быть казнены” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 41 об.]. Причем дату контрольного осмотра хан не указал, но по его решимости и принимаемым мерам было видно, что он будет стоять на своем до конца.

При этом приготовления к походу на темиргойцев не прекращались. Донесения запорожских разведчиков относительно количества собираемого войска отличались на десятки тысяч. В конце марта, когда оживилась подготовка к походу, в Кош посыпались сообщения о передвижениях ногайцев. Собранные по одному человеку с семьи (!), воины получили приказ быть “в ежечасной готовности к походу якобы на черкес... и оные... на Буджак тритцать тысяч татары на сих днях переправлятца имеют на нагайскую сторону под деревнею Татар Кишла” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 35]. Другие конфиденты сообщали о сборе одного воина с каждого второго котла, что уменьшало сумму в два раза, а иные увеличивали число войск соответственно до 40, 60, 80 тыс. [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 39, 51 об., 52 об.].

Планы Крым-Гирея постоянно менялись или, точнее, корректировались новыми обстоятельствами, неизвестными нам до сих пор. Уже в самом конце марта крымско-ногайское войско было собрано в степном Крыму полностью готовым, чтобы отправиться в поход на черкесов. Находясь в Перекопе, хан отдал приказ “наряженному войску выступит в поход ис коих жамбулуковские, едичкулские и крымския татары выступили и не доезжая до Перекопа дву[х] миль возвратились обратно в свои мѣста впредь до его ханского указу” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 41 об.]. По нашим подсчетам, войско выдвинулось 30 марта – 2 апреля 1761 г. и тогда же вернулось под Бахчисарай, где “от множественного де собрания войска великое чинится крымскому народу раззорение” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 41 об.].

По другим данным, еще в начале апреля до 40 тыс. ногайцев Буджакской и Ногайской (Едисанской) орд переправлялись морем из Очакова через Кинбурнский лиман в Крым, откуда “помянутое войско следует под горские черкесы для приведения их по прежнему под свою власть” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 41 об.].

Таким образом, вырисовывалась определенная картина. Крымско-ногайское войско первоначально собралось во второй половине марта 1761 г. под Хан-Кишлой. Но вследствие стягивания к Аккерману войск очаковского и бендерского пашей, которые стремились согласно указаниям султана не допустить концентрации военных сил Крым-Гирея на границе с Россией и Польшей, была произведена рекогносцировка, в результате чего крымско-ногайские отряды были переправлены морем в степной Крым, откуда и выдвинулись на Северный Кавказ. Выступление, очевидно, было произведено в сторону Тамани, с переправой через Керченский пролив, т.к. свидетельств о том, что хан нарушил барьерную зону, не выявлено.

Крымско-ногайское войско, выйдя в поход в первой половине апреля 1761 г., насчитывало, по нашим оценкам, около 30–50 тыс. воинов. На Кубани к ним должны были присоединиться еще около 20–30 тыс. кубанских ногайцев и некрасовцев во главе с Багадыр-Гиреем. Однако вступить в бой с черкесами в таком количестве им не удалось. Еще на Кубани между командующим едисанскими ногайцами Капай-мурзой и крымским визирем Ислам-агой возник конфликт – “в везьра в команде бит тот мурза в голову, а везерь по обоим рукам шаблями, един другого ранили”, вследствие чего “с обеих их сторон орди в... урочище Капилу⁵ забунтовавшис частие между собою сражения чинят и дале в черкеси нейдут” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 57]. В это время в урочище прибыл черкесский посланник Касай-бей с предложениями перемирия, предложив “сот[ни] двѣ душъ ясыра щеркес”, на что крымский визирь затребовал тысячу душ ясыря. Касай-бей ответил, что такое количество дано не будет.

Становилось понятно, что вооруженного столкновения не избежать. На стороне крымского хана, кроме крымских татар, выступали едичкульцы, кубанские ногайцы и некрасовцы. Сражение, учитывая время выступления в поход и первые донесения после столкновения, должно было произойти в первой половине мая. Несмотря на численное преимущество нападавших, оно было проиграно, крымская сторона потеряла 360 человек. Не желая дальше продолжать кровопролитие, темиргойцы в знак примирения обещали давать ясырь, в залог исполнения чего в Бахчисарай были высланы 12 (по другим данным – 15) черкесских аманатов [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 101, 117]. В конце июля Крым-Гирей послал указ визирю, чтобы он возвращался из черкесского похода, а для упреждения на него жалоб со стороны кабардинских князей хан отправил в Стамбул из Гезлёва “ясыру хлопщѣв и дѣвчат грузинских и черкеских 75 душ” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 101].

Тактической ошибкой крымского визиря Ислам-аги после сражения было то, что он не отвел войска из поля досягаемости противника, а продолжал настаивать на выплате ясыря, доведя его количество до 300 душ, взамен 200, которые предлагались первоначально черкесским посланником в урочище Копыл. Но и это не устраивало крымскую сторону, которая по наставлению Крым-Гирея требовала тысячу душ.

Тогда темиргойцы сами предприняли успешную атаку. В рапорте Крым-Гирею визирь отмечал, что “черкеси напав на стан ханского войска розбили и урон войску причинили”, прося далее, чтобы хан “поболше войска да не голого, но уборного прислал бы, а они де черкеси воеватся готови, а везир де с войском с черкесами войну продолжат несостоятелен и некоторые султани сродники ханские, находящиеся в черкесах хану несклонни и несогласни” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 117–117 об.].

Сразу же после получения таких известий Крым-Гирей отправил буджацкому сераскеру указ о приведении войск в готовность, а в Бахчисарае приказал оружейным мастерам чинить неисправные ружья и делать новые, а также заготавливать припасы для сейменов. В крымской столице ходили слухи, что хан, кроме конницы, собирается послать для усмирения черкесов 10 тыс. пехоты с пушками, во главе которых пойдет либо нуреддин-султан, либо калга-султан [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 113, 17–117 об.]. Сам Крым-Гирей не решался возглавить карательный поход, “понеже де султанов и народов крымских и протчих огорчил”, после чего его, как отмечали современники, вряд ли и в Крым пустят. Посему военные приготовления оставались в глубокой тайне, а дата выступления была неизвестной до самого конца. Возможно, при других условиях хан лично возглавил бы поход, но оставлять престол, когда существовала угроза быть замененным другим кандидатом, было огромным риском для Крым-Гирея.

Возвращаясь к нападению темиргойцев на крымско-ногайский лагерь, стоит отметить, что в донесении визиря не упоминается кубанский сераскер Багадыр-Гирей. Видимо, Ислам-ага не решился напрямую доложить об измене сераскера хану, завуалировав это выражением, что “некоторые султани сродники ханские... хану несклонни и не-

согласни”. Об этих событиях позже скажет сам Крым-Гирей, с прискорбием утверждая: “Багадыр Гирей солтан не токмо не исполнил моего повеления (усмирить темиргойцев. – *Авт.*), но и сам сообщас с темиргойцами явился мне в противности и измене” [ЦГИАК Украины, ф. 59, оп. 1, д. 3988, л. 2].

Вспомним, что в урочище Копыл возник спор с последующими потасовками сторон, едва ли не развалившими всю крымско-ногайскую коалицию. По нашему мнению, она была спровоцирована именно кубанским сераскером, чьи неуемные аппетиты послужили дурным примером для визиря и едисанского мурзы.

Вступив в сговор с темиргойскими мурзами, Багадыр-Гирей решил напасть на ногайцев племени “касаи улу”, которые кочевали в низовьях р. Кубани, чтобы подчинить их себе. За это своеволие он жестоко поплатился вместе с темиргойцами. “Мурза темир[гойский] (Шамамбытев. – *Авт.*) так и протчие ево согласники некоторою частью побиты в смерть... сам Багадыр Гирей раненой бегом спася” [ЦГИАК Украины, ф. 59, оп. 1, д. 3988, л. 2]. Кубанский сераскер отвел с собой часть кубанских ногайцев, чем и обрек недостаточно вооруженных крымских татар и ногайцев на поражение, одновременно деморализовав их своим переходом на сторону темиргойцев. О себе же Багадыр-Гирей пустил слух, что он хочет собрать войско и выступить против Крым-Гирея.

Крым-Гирей строго обошелся со своими подданными, не сумевшими покорить темиргойцев. Так, “везира кои с войском на черкесах был переменял другим везиром, а переменного в железо заковат велел” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 119].

Не желая обострять отношения с Россией и в то же время не имея возможности усмирить Крым-Гирея, султан формально разрешил брать ясырь с черкесов. Так, 25 сентября 1761 г. хан получил от султана ферман с требованием, чтобы подвластные ему ногайцы воздерживались от воровства, разбоев, смертных убийств, от побегов в российские и польские пределы, поддерживая при этом соседственную дружбу с Российской империей и Польшей, “а на черкесов воеват позволено (!) и ежели по указам поступатимем, то по смерт его ханом быть обнадежено” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 119–119 об.].

Но не все приближенные хана разделяли его планы касательно организации нового похода на черкесов-темиргойцев. Так, в конце сентября – начале октября 1761 г. новый визирь доказывал хану нецелесообразность очередной военной акции, поскольку “чрез бариерные места поход мирному трактату будет предосудителен, а войско донское примет [это] за неудовольствие” [Канцелярия... 2005, 313]. Критика возымела частичное воздействие на хана, из-за чего Крым-Гирей “тот поход свой отменил, а на везира и на агу за учененное ему представление в злобе от должности их отрешил”, но при этом “предписанное к походу войско и ныне без отмены в жилищах своих состоит в готовности”, а некоторые его части даже собирались переправляться через море в Тамани на кубанскую сторону к калга-султану [Канцелярия... 2005, 313].

Крым-Гирей несколько раз собирался выступить на темиргойцев осенью 1761 г., если не через “барьерные места”, то через Керченский пролив, но Багадыр-Гирей “за морем в Яникуль з своим войском стоит и хана крымского чрез Яникуль переправляться з войском не пускает” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 121]. Кубанский сераскер в связи с этим имел соответствующие распоряжения российской стороны, о характере которых будет отмечено далее. Также для упреждения перехода Крым-Гирея на Кубань постоянно находилось в состоянии готовности Войско Донское, а под Азов был прислан отряд донцов из 600 казаков [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 119].

На протяжении лета 1761 г. Крым-Гиреем все же был выслан на Кубань небольшой отряд во главе с калгой-султаном, для того чтобы остатки крымско-ногайских чамбулов не перешли на сторону Багадыр-Гирея. Источники умалчивают о времени похода и его маршруте, отмечая лишь численность – 1300 ногайских воинов Джамбулуцкой орды [Канцелярия... 2005, 321]. Деспотичный характер правления Крым-Гирея, недаром

прозванного “дели-ханом”, заставлял даже ближайшее окружение держаться от него подальше. Так, “с черкес калга салтан с войском при нем туда от хана посланным возвращаться не хочет по спору неизвестному с ханом” [ЦГИАК Украины, ф. 59, оп. 1, д. 3997, л. 1 об.; Андриевский 1886, 669]. Калга-султан Сеадет-Гирей, расположившись в Копыле (Капыле), неоднократно получал уведомления от хана с требованием вернуться, но наследник престола не возвращался, лишая такой возможности и ханских гонцов [Канцелярія... 2005, 321].

У запорожцев было весьма ясное и четкое представление о проблемах в крымско-черкесских отношениях, включая их генезис. Так, в конце апреля 1762 г. запорожские разведчики сообщали, что “с черкесами и досель мира... не окончено по надлежащему”. Калга-султан, продолжая находиться на Кубани, вовсе не собирался проливать кровь своих соплеменников, как с одной, так и с другой стороны, учитывая и то, что последние сражения для крымско-ногайских войск были проигрышными. “...Только войны нет, потому что султан-калга з черкес уроженец и много его тамо родственников имеется, кроме того и сопротивиться против силы черкеской никак не можно” [Андриевский 1886, 668]. На начало 1762 г. хан в четвертый раз требовал от Сеадет-Гирея вернуться в Крым, но калга-султан продолжал оставаться на Кубани, уступив хану лишь в вопросе перевода ногайцев в Приазовье. Напряженность в отношениях между Крымом и Кабардой могла быть снята лишь в том случае, если бы Крым-Гирей согласился уменьшить количество ясыря. Черкесская сторона предлагала хану платить дань как и ранее – “средолетних душ тридцать⁶ (?), а молодых, то есть в пятнадцать и меньше, толико ж число, панцырей и лошадей черкесских добрых по двадцать (?)”, – но хан настойчиво требовал гораздо большего количества [Андриевский 1886, 668].

Поход, задуманный крымским ханом и имевший перед этим два неудачных примера во главе с визирем и калга-султаном, был предметом внимания приграничных государств. Не обошли вниманием такие намерения и украинского гетмана К. Разумовского, который уведомлял запорожцев, что “хан крымский и намерен был с войском ево к походу на темиргойцов с крымской на кубанскую сторону в тамошних местах учинит переправу. Толко ж он сераскер [Багадыр-Гирей], недозволя ему тем объявлением, чтоб он на кубанскую сторону не переходил, а ежели станет силоватца, то он сераскер собрав кубанское войско в том ему хану препятствовать будет, и отнюдь на кубанскую сторону не перепустит, и потому де чайтельно ему сераскеру, что хан крымской по учиненному ему в переходе препятствию тот на кубанскую сторону переход учинить может в здешних местах чрез Дон до чего б его... отвратить” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 128–128 об.].

На кубанском сераскере лежала большая ответственность за блокирование войск Крым-Гирея в районе Тамани, в то же время последствий за это для Багадыр-Гирея не предусматривалось, и если “переход ему (хану. – *Авт.*) учинить дозволится и от того что произойдет противное, то буде уже на нем сераскере ничего взыскано не было” [ЦГИАК Украины, ф. 229, оп. 1, д. 91, л. 128–128 об.].

Также были высказаны самые благоприятные отношения к Багадыр-Гирею со стороны хана, который давал бывшему сераскеру последний шанс. Если Багадыр-Гирей “противных горских народов успокоит и в точное крымское хану послушание приведет, то б [хан] ево Багадыр Гирей определит по прежнему кубанским сераскером” [Канцелярія... 2005, 349–350].

Калга-султан, послав к Багадыр-Гирею нового кубанского сераскера Казы-Гирей-султана вместе с тысячью своих воинов “для соглашения [с бывшим сераскером] и приведения тех противников крымскому хану в послушание”, узнал, что Багадыр-Гирей “к тому никакой склонности не показал” [Канцелярія... 2005, 350].

В свою очередь, чтобы Багадыр-Гирей не мог рассчитывать на поддержку кубанских ногайцев, хан при помощи калга-султана перевел их весной 1762 г. на Молочные Воды

и Конские Воды. На Кубани ногайцев уже не оставалось, а “находятца только одни противники горские народы и их партии вверх по Лабе кочующие аулы называемые Наврюз Улу” [Канцелярія... 2005, 350].

Тем временем, несмотря на блокаду Багадыр-Гиреем Керченского пролива и меры предосторожности, предпринятые донцами в “барьерной зоне”, Крым-Гирею удалось на середину февраля 1762 г. переправить на кубанскую сторону до 20 тыс. сейменов и ногайцев Белгородской (Буджакской) и Джамбулуцкой орд [Канцелярія... 2005, 332].

Багадыр-Гирей, узнав о переводе ногайцев с кубанской на крымскую сторону, в конце апреля 1762 г. предпринял усилия, чтобы спасти свое ухудшающееся положение. Бывший сераскер “собрав горское войско и со оным... пришед между Темрюка и Капыла с кубанцами (которыми за болезнью калги-солтана командовал сыны онаго калги) учинил баталию”. Однако численность воинов Багадыр-Гирея (черкесов-темиргойцев и ногайцев навруз-улу. – *Авт.*) без остальных ногайцев была ничтожно мала, а посему “пришедшее с ним горское войско кубанцами все так разбито, что он потерял, с остовшими всмерть побитыми (в том числе двух мурз) и в плен взятыми потерял, с остовшими принужден был бегом себя спасти” [Канцелярія... 2005, 349–350]. Так, тайный переход 20 тыс. воинов на Кубань и перекочевка ногайцев, склонных к сотрудничеству с Багадыр-Гиреем, в Приазовье обеспечили хану временный успех, все же не достигнув главной цели похода – уплаты дани темиргойцами.

Получив достоверную информацию о том, что Багадыр-Гирей не желает оказывать послушания, а возможности беспрепятственного перехода на Кубань перекрыты, Крым-Гирей приказал сжечь кубанские городки, а в “черкесах же войну без выигрыша и заключения оставил, **и запретил хан в черкесы не въезжать ис Крыму никому вперед ни за чем** (выделено нами. – *Авт.*), и пресечена путь и спален пограничной от черкес при пути ис Крыма бывшей базар местечко первейшее” [ЦГИАК Украины, ф. 59, оп. 1, д. 3988, л. 3–3 об.; Андриевский 1886, 671].

Тем временем Порта желала новых разбирательств, как по черкесским делам, так и по делу бендерского Ибрагим-паши, требуя, чтобы Крым-Гирей лично прибыл в Стамбул, через Хан-Кишлу, “зачем Капеджи-баша, а после того и другой присланы ис Царяграда к нему были” [ЦГИАК Украины, ф. 59, оп. 1, д. 3988, л. 3–3 об.].

Хан просчитывал многие варианты, среди которых один был беспроигрышный – смерть посланников султана, – в случае необоснованной, по его мнению, отставки. Крым-Гирей собирался, не доезжая до резиденции буджакского сераскера, при поддержке ногайцев поставить вопрос о ханском престоле ребром. “А за рекою Бугом хочет хан свободитца тамошними ордами от поездки... и от смены ханства защититца (о которой ево смене кримцы безсумненно надеютца) ежели не забунтует орда” [ЦГИАК Украины, ф. 59, оп. 1, д. 3988, л. 3–3 об.]. Крым-Гирей вполне справедливо рассчитывал на помощь тех же ногайских племен “чтоб незвержен был с ханства защититца Едисанскою ордою, об котором и ханство произведен” [ЦГИАК Украины, ф. 59, оп. 1, д. 3997, л. 1 об.].

Для увещеваний Крым-Гирея в Очаков даже прибыл трехбунчужный паша, который должен был склонить хана “к послушанию Порте и чтоб ехав бесспорно в Порту” [ЦГИАК Украины, ф. 59, оп. 1, д. 3988, л. 4]. Неизвестно каким образом, но и на сей раз Крым-Гирей избежал поездки к султану, прекрасно зная, какими бывают последствия таких визитов в Высокую Порту.

Тем временем в России из-за переходного периода, последовавшего после смерти Елизаветы I и длившегося до прихода к власти Екатерины II, политика относительно Кабарды была в замороженном состоянии. Поэтому кабардинские войска коалиции трех уделов сами начали решать возникшие проблемы. После того как бесчинства темиргойцев и багадыр-гиреевцев затронули казаков, бывших на рыбной ловле на Кальмиусе, в результате чего было угнано сорок запорожцев и один из них был убит

[ЦГИАК Украины, ф. 59, оп. 1, д. 3997, л. 4–4 об.; Канцелярія... 2005, 325], черкесские князья должны были показать, на чьей они стороне.

Так, в июне 1762 г. кабардинское войско, перейдя р. Лаба, подошло к границе обитания темиргойцев, чтобы прекратить их произвол. Но, как отмечает современная исследовательница Р.З. Фидарова, конфликт между темиргойцами и кабардинцами, видимо, удалось решить мирным путем [Фидарова 2007, 92].

Перед этим Крым-Гирей собирался сам в мае-июне 1762 г., по возвращении из Аккермана, выступить на темиргойцев и кубанского сераскера. “Тогда и мню (думаю, имею мнение. – *Авт.*) для учинения помянутого Багадыр-Гирея и ево [одно]мышленников сам итти на кубанскую сторону [чтобы] оных упокоить” [ЦГИАК Украины, ф. 59, оп. 1, д. 3988, л. 3–3 об.].

Однако, несмотря на желание Крым-Гирея, поход так и не состоялся. Вопрос о дальнейшей судьбе бывшего кубанского сераскера Багадыр-Гирея оставался открытым. Деятельность беглого сераскера, уведшего часть Кубанской орды и организовавшего коалицию с темиргойцами, в своей совокупности являла фактор, который значительно отягощал существование черкесских народов в первой половине 1762 г.

Параллельно хан зондировал и другие возможности укрепления своих позиций, но делал он это уже не так активно. Видимо, для участия в походе на темиргойцев и поддержки в случае, если взбунтуются ногайские орды, на которых хан всегда опирался, и приглашал Крым-Гирей запорожских казаков. В августе 1762 г. запорожскому старшине и опытному разведчику Самойле Недзелскому от ханского переводчика Якуб-аги, который следовал с ханскими письмами в Киев, поступило предложение: “...хан желает и советует дабы запорожское войско по-прежнему вступило с ним ханом в дружбу и присовокупилось до Крыму, обещал за то оному войску великое добро сыскать” [ЦГИАК Украины, ф. 59, оп. 1, д. 3996, л. 9].

Эта информация могла буквально взорвать Запорожскую Сечь, а посему глава Коллегии иностранных дел князь А. Голицын строжайше приказал “не сказывать и не разглашать... оному Недзелскому под смертною казнию запрещено никому” [ЦГИАК Украины, ф. 59, оп. 1, д. 3996, л. 9].

Последующие после указанных событий попытки Крым-Гирея склонить кабардинцев воевать против темиргойских племен натолкнулись на категорический отказ. В качестве аргумента был выдвинут фактор силы, – поражение крымско-ногайских войск во время похода крымского визиря Ислам-аги 1761 г. было слишком свежо в памяти, – а поэтому, прибывший в Кабарду 18 октября 1762 г. крымский чауш услышал, что “разве де крымцы забыли, как они кабардинцы напредь сего их крымцов при случившемся сражении [из]рубили, тогда многих салтанов умертвили и хотя ж де ныне без всякой причины хан крымской повелевает кабардинцам следовать ко искоренению темиргойцев, только они кабардинцы того не исполнят” [Фидарова 2007, 92].

Таким образом, из-за разногласий, произошедших между визирем и ногайскими мурзами, а также из-за перехода кубанского сераскера Багадыр-Гирея на сторону черкесов поход на темиргойцев в апреле – мае 1761 г. окончился разгромом крымско-ногайского войска. Можно предположить, что трения между тремя сторонами имели место из-за спора о количестве ясыря или о том, кто возглавит крымско-ногайско-кубанскую коалицию.

Следующая военная акция во главе с калга-султаном (лето 1761 г.) также не дала желательных результатов, поскольку влияние родственников наследного принца по материнской линии было достаточно сильным, что не позволило калга-султану открыто противостоять черкесским племенам, учитывая при этом конфронтацию Багадыр-Гирея по отношению к ханскому престолу. Участие калги-султана в усмирении не столько темиргойцев, сколько Багадыр-Гирея ограничилось отводом ногайцев в Приазовье и разорением кубанских городков.

Намерения Крым-Гирея продолжить военные действия против темиргойцев и Багадыр-Гирея осенью 1761 г. – весной 1762 г. натолкнулись на непонимание визиря и аги (сентябрь 1761 г.), которые, не желая осложнений со стороны Османской Порты и Российской империи, выступили против похода хана на Кавказ, учитывая, что при этом будет нарушен нейтральный статус “барьерной зоны”, зафиксированной Белградским трактатом 1739 г.

Основным экономическим мотивом всех притязаний Крым-Гирея было значительное увеличение численности ясыря в качестве ежегодной дани и до тысячи душ – в качестве компенсации за убийство темиргойцами в 1729 г. двух крымских султанов.

Кроме запрета на вмешательство в дела черкесских племен Большой и Малой Кабарды, Порты пыталась с помощью военной силы сместить непослушного хана. Не сумев этого сделать, она продолжала смотреть сквозь пальцы на нарушение Крым-Гиреем этих запретов вплоть до сентября 1764 г.

В заключение отметим, что при чтении донесения запорожской разведки видно, что Крым-Гирей с трудом удерживал в своей власти ханский престол. Слухи и ожидания его отставки буквально переполняли все круги крымскотатарского общества, не исключая и христиан. Как только стало известно о свержении Крым-Гирея, “так все народы за приключенные неизчислимые обиды и разорения и небывалые тягости с проклятием поносить его начали” [ИР НБУВ, ф. V, ед.хр. 146, л. 160 об.; Смирнов 1889, 242].

Крым-Гирей был лишен ханского престола султанским ферманом в сентябре 1764 г. за непокорность Порте, а также нанесение “подданным крымским жителям, так едичкульцы, как буджацким и кубанским татарам обиды и безчисленные грабежи, и насильно чрез разные приметки (наводки. – *Авт.*) от греков, армян и жидов вымогательства денег немалых сумм” [ИР НБУВ, ф. V, ед.хр. 146, л. 160 об.; Смирнов 1889, 242].

В предместье Бахчисарая – Ашламе совершенно бесплатно был выстроен ханский дом, где “всякой лес, так и дикое камень, черепицу, известь и всякие материалы подданные христиане и татары с наибольшею трудностью и тягостью возили безденежно”, а хан “за рабочих денег ни единой аспры не дал”. Помимо православных, Крым-Гирей открыто обирал и своих, правоверных: “...у многих турок, у мурз и татар ясырь мужеска и женска пола брал за сторгованную цену, а денег не платил” [ИР НБУВ, ф. V, ед.хр. 146, л. 161].

Кроме факторов, обусловивших смещение хана и имевших отношение к внутренней политике Крым-Гирея, были и внешние, в частности такие, как вмешательство в кабардинские дела. Турецкие историки XVIII века считали, что Крым-Гирей, желая добиться своего, не думал о конечных результатах своей политики, нарушая тем самым мирные условия Белградского трактата 1739 г. и подталкивая Порту к войне с Россией. “Сверх того, – писал историк Васыф, – усиленными налогами он разорил государство и принятыми на себя неуместными притязаниями (в том числе и к черкесам. – *Авт.*) потерял свой престиж и авторитет” перед лицом Порты [Цит. за: Смирнов 1889, 243].

Обладавший большой харизмой, Крым-Гирей был непредсказуемым политиком и ради власти был готов на любые жертвы. Однако своих амбиций относительно непокорных ему темиргойцев он так и не смог удовлетворить.

¹ Еще М. Пейсонель отмечал, что черкесские племена должны рассматриваться как данники Крымского ханства, а не подданные, однако ошибочно утверждая при этом, что хан брал с черкесских племен ясырь лишь при вступлении в должностной [Пейсонель 1990, 12].

² При этом считали только мужчин боеспособного возраста.

³ Рассматривая проблему гибели кубанского сержанта и его брата в 1729 году, исследователи В.В. Грибовский и Д.В. Сень говорят о двух версиях – “кабардинской” и “черкесской” (точнее, “темиргойской”). В поддержку второй, ссылаясь на В.Д. Смирнова, они отмечают, что весной

1729 г. Бахты-Гирей (самопровозглашенный султан) с небольшим отрядом отправился к темиргойцам “для взятия от них обыкновенной дани, которые-де черкесы давали ему... в дань тысячу ясырей”. Но, по-видимому, он переоценил силу своего авторитета, и ночью черкесы напали на его лагерь и убили вместе с братом, кубанским сераскером. За последнего и собирались мстить крымские татары во время похода 1761 г. Подробнее смотрите: В.В. Грибовский, Д.В. Сень. “Кубанский вектор” во взаимоотношениях калмыков и ногайцев в первой трети XVIII в. // http://www.ukrterra.com.ua/developments/history/su/kuban_vector.htm

⁴ Селение Хан-Кишла (Ган-Кишла, также и Татар-Кишла) – место, которое наряду с Каушанами использовалось в летнее время как резиденция крымского хана и буджакского сераскера. Располагалось на правом берегу Нижнего Днестра, в четырех часах конного перехода от Бендер. Ныне – с. Удобное Овидиопольского р-на Одесской обл., Украина.

⁵ Очевидно, речь идет об урочище, одноименном с городком Копыл в устье р. Кубани, где находилась резиденция кубанского сераскера.

⁶ Очевидно, речь идет об уплате ясыря с каждой сотни человек, далее с каждой сотни лошадей.

ЛИТЕРАТУРА

Андрієвський А.А. Матеріали для історії южноруського краю XVIII століття (1715–1778), извлеченные из старых дел Киевского губернского архива. Ч. II. Одесса, 1886.

Бутков П.Г. Матеріали для нової історії Кавказу з 1722 по 1803 г. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1889.

Грибовський В.В., Сень Д.В. “Кубанський вектор” во взаємозносинах калмыків и ногайців в першій третині XVIII в. // http://www.ukrterra.com.ua/developments/history/su/kuban_vector.htm

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (ИР НБУВ). Ф. V. Одесское общество истории и древностей. Ед.хр. 146.

История Востока в 6-ти томах / Отв. ред. Л.Б. Алаев и др. Т. III. Москва, 2000.

История Востока в 6-ти томах / Отв. ред. Л.Б. Алаев и др. Т. IV. Кн. 1. Москва, 2004.

Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х т. Т. II. Москва, 1957.

Канцелярія Новосербського корпусу / Упорядники В. Мільчев, О. Посуньмо // Джерела з історії Південної України. Т. 7. Запоріжжя, 2005.

Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.

Ногмов Ш. История адыхского народа. Нальчик, 1994.

Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах // Матеріали для історії черкеського народу / В изложении Е.Д. Фелицина. Краснодар, 1990.

Скальковский А. Секретная переписка Коша Запорожского (1734–1763 г.) // Киевская старина. 1886. № 2.

Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Порты // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 15. Одесса, 1889.

Смирнов Н.А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948.

Трахо Р. Черкесы. Нальчик, 1992.

Фидарова Р.З. Особенности внутриполитического кризиса в Кабарде (1763–1774 гг.) // Архивы и общество, 2007, № 2.

Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев (ЦГИАК Украины). Ф. 59. Киевская губернская канцелярія. Оп. 1, д. 3988, 3996, 3997; Ф. 229. Архив Коша Новой Запорожской Сечи. Оп. 1, д. 91.